

Шан Сююнь вошел в комнату и прилег на кровать. Постель в постоялом дворе, конечно, не могла сравниться по мягкости с той, что заботливо приготовил для него Янь Лун. Стоило ему коснуться подушки, как он невольно нахмурился. Легко привыкнуть к роскоши, но трудно вернуться к лишениям. Однако чувство недовольства промелькнуло лишь на мгновение, и он вновь принял свой привычный вид человека, которому всё безразлично.

Он закрыл свои необычайно ясные глаза, словно мирская суета была неспособна отразиться в них. Но на самом деле он был человеком, смирившимся с бренным миром, и его жизнь была куда тяжелее, чем у многих других.

Шан Сююнь поджал тонкие губы. Старейшина Ляоу был ранен внутренней силой Шаолиня, а среди людей Демонического культа нашелся тот, кто овладел шаолиньскими техниками. Естественнo, в Храме Шаолинь заподозрили, что среди них завелся предатель. И теперь его внезапное появление — человека, которого все считали либо пленником Демонического культа, либо вовсе мертвым, — неизбежно прикует к нему все взгляды. Разумеется, найдутся те, кто захочет выяснить, где он пропал всё это время.

Янь Лун, конечно, не станет его выгораживать, поэтому он, имевший слишком тесные связи с представителями Демонического культа, станет первой мишенью для подозрений со стороны праведных сект. И даже если монахи Шаолиня захотят ему поверить, это уже ничего не изменит.

В конце концов, за последние десятилетия он был единственным учеником Шаолиня, имевшим хоть какие-то контакты с Демоническим культом. Шаолинь оставался единственной школой, которую не удалось захватить культистам, и не потому, что монахи были настолько могущественны, а потому, что они предпочли бы смерть, нежели позорное отступление от принципов праведности. Это действительно достойно восхищения, но сам Шан Сююнь — ни в этой жизни, ни в следующей — на такой подвиг не был способен.

Нет ничего важнее самой жизни. Слава и богатство — лишь призрачные тени. Какой толк от императорских одеяний после смерти, если при жизни ты не мог насладиться покоем?

Если бы они не стояли по разные стороны баррикад, Шан Сююнь даже похвалил бы Янь Луна. Мастерски вертеть всем, как вздумается, и заставить его самого, словно рыбу, добровольно заплыть в сети — это и вправду высший пилотаж. Чего добивается Янь Лун? Чтобы Чжун Юнь опозорился на весь мир? Что ж, даже если это так, пусть он видит всё своими глазами.

Собрав немногочисленные пожитки, Шан Сююнь той же ночью покинул постоялый двор. В этом мире нет тайн, которые не стали бы явными. В такой щекотливый момент города, расположенные ближе всего к Демоническому культу, неизбежно окажутся под пристальным вниманием праведников. Его появление здесь наверняка скоро станет известно остальным. Слухи разлетятся мгновенно, и в итоге он превратится в изгоя, которого каждый встречный будет гнать прочь.

Хотя его бегство вряд ли развеет подозрения, по сравнению с перспективой быть

доставленным в Шаолинь, лишенным мастерства и изгнанным из секты, или попасть в руки Главы Союза боевых искусств, побег казался сущим пустяком. Говорят, лучший способ отточить боевое мастерство — пройти через бесчисленные сражения. Что ж, скоро он узнает, правдивы ли эти слухи.

Как и предполагал Шан Сююнь, уже на следующее утро кто-то грубо выломал дверь его комнаты в поисках следов. Вскоре бесчисленное множество учеников, мнящих себя истинными праведниками, начали охоту на него, предателя, лишенного чести и долга. Но он уже скрылся в лесах.

В лесу Шан Сююнь чувствовал себя как рыба в воде. Ядовитые растения, которые раньше он опасался собирать, теперь легко давались ему в руки. В редкие минуты, когда преследователи отставали, он успевал создавать множество снадобий. В его арсенале появились даже такие яды, от которых плоть разлагалась до костей, оставляя лишь лужицу желтой жижи.

Он, разумеется, владел искусством маскировки, но его гладко выбритая голова сводила на нет любые попытки изменить внешность. Если бы другие узнали, что он умеет менять облик, это создало бы лишь лишние проблемы в моменты, когда маскировка была жизненно необходима. К тому же, это был отличный шанс закалить свое мастерство.

Сейчас праведники при упоминании монаха Цзы Цзюэ лишь плевались. Кто-то даже разузнал, что он принял постриг совсем недавно, и теперь все были убеждены в его дурных намерениях — мол, он побрил голову лишь ради того, чтобы выведать секреты шаолиньских техник. Слухи множились, и люди, не знавшие правды, верили в них всё сильнее.

Чжун Юнь — вероломный предатель, с которым нельзя иметь дел...

Шан Сююнь предвидел всё это.

Густая листва шелестела под порывами ветра, пока Шан Сююнь сидел в кроне дерева, восстанавливая внутреннюю силу. По сравнению с прошлыми днями, под постоянным преследованием, его внутренняя сила росла семимильными шагами. Даже не прибегая к ядам, он теперь мог считаться мастером второго уровня. Вот только среди его преследователей было немало таких же, а то и несколько мастеров первого уровня.

Восстановив силы, Шан Сююнь собрался было уходить, но, поднявшись, заметил на соседней ветке девушку. В белом траурном одеянии она казалась куда более исхудавшей, чем он помнил.

Тань Юйвэй лишилась былой спеси, уступив место девичьей хрупкости. Но ее гордо выпрямленная спина говорила о том, что она не сломлена. Эта женщина действительно обладала даром очаровывать. Если бы он не похоронил любовь вместе со своим разбитым телом, возможно, он бы тоже поддался этому чувству.

— Амиабха. Госпожа, как вы поживаете? — Шан Сююнь был готов в любой момент сорваться с места, но внешне оставался спокоен, сложив руки в молитвенном жесте и сжимая четки.

— Оказывается, мастер Цзы Цзюэ еще помнит, что он из буддийской обители. Интересно, сколько крови успели пролить эти руки, перебирающие четки? Будда милосерден, ему не нужны такие убийцы! — в словах Тань Юйвэй сквозила явная насмешка. Ее мастерство значительно возросло с тех пор, как они познакомились, но эта сила была лишь наследием ее отца, ценой его жизни.

Если бы она не умоляла отца проникнуть в Демонический культ, разве случилось бы всё это? Разве погибли бы ее отец и брат? Она ненавидела Цзы Цзюэ и так же сильно ненавидела себя.

Пальцы Шан Сююня, перебиравшие четки, замерли. Казалось, вместе с ними застыл и воздух вокруг. Спустя мгновение он едва заметно улыбнулся, словно вздыхая:

— Будда — воплощение милосердия, и такой, как я, вероятно, действительно недостойн служить ему.

Четки в его руках с сухим щелчком лопнули, и бусины рассыпались, скатываясь по ветвям дерева в неизвестность. Тань Юйвэй молча смотрела на него. Почему-то она не чувствовала торжества — лишь пустоту и нарастающий страх. Она протянула руку, словно пытаясь схватиться за что-то, но ощутила лишь дуновение ветра.

— Тань Юйвэй, если хочешь меня убить, действуй. — Фигура Шан Сююня уже растворилась в воздухе, оставив лишь эхо своего голоса. По правде говоря, это было немного рисовкой. Даже если бы он не сказал этого, Тань Юйвэй, потерявшая отца и брата, не отпустила бы его. Он думал, что ее мастерство не могло вырасти настолько сильно, но реальность превзошла все ожидания.

Тань Юйвэй на мгновение заколебалась, но в итоге бросилась в погоню. Даже если Чжун Юнь был одаренным гением, он постигал высшие техники всего год — ему было не совладать с плодами всей жизни ее семьи. Вскоре она нагнала его.

Она могла убить его одним ударом, но не стала. Вместо этого Тань Юйвэй использовала внутреннюю силу, чтобы окутать его облаком ядовитого порошка. Зрачки Шан Сююня сузились, он рванул вперед, используя остатки сил, чтобы уйти как можно дальше. На этот раз Тань Юйвэй не стала преследовать его.

Это был яд ее собственного приготовления. Чем выше мастерство и чем чаще человек использует внутреннюю силу, тем быстрее яд проникает в кровь. В конце концов, жертва будет медленно гнить изнутри, пока не умрет в страшных мучениях.

Почти все ее навыки были завещаны отцом, и она хотела отомстить своими методами. Или, возможно, дать Чжун Юню последний шанс. За три месяца преследований он проявил

познания в ядах, не уступающие ее собственным. Если он действительно сможет найти противоядие, то их вражда и обиды канут в лету. И тогда, встретившись в мире боевых искусств, они станут лишь чужими людьми.

Шан Сююнь пролетел на цингуне совсем немного, когда почувствовал боль в теле. Его алые губы побелели от мучений — он прекрасно знал, какой яд в него вселили. Кто бы мог подумать, что, несмотря на все перемены в сюжете, он все равно окажется отравлен Тань Юйвэй. Если не найти противоядие, он, как и в оригинальной истории, умрет в муках. А после смерти тело, возможно, будет продолжать биться в конвульсиях...

Не успел он перевести дух, как снова услышал голоса праведников. Пришлось, стиснув зубы, использовать цингун, чтобы скрыться в более безопасном месте. Лишь когда голоса стихли, он смог сосредоточиться на борьбе с ядом.

Большинство трав в этом мире были похожи на те, что он знал, но некоторые сильно отличались. Вряд ли он успеет создать противоядие за короткий срок. Остаться в этом лесу было не лучшей идеей.

За три месяца его сбритые волосы отросли до плеч, и из-за отсутствия ухода выглядели спутанными. Даже в прошлой жизни, перед самой смертью, он не был в таком жалком состоянии. Он выровнял дыхание, пытаясь успокоить внутреннюю силу, чтобы яд не распространялся слишком быстро. Он понимал, что для выхода из леса ему придется использовать внутреннюю силу, но сейчас стоило экономить каждый крупицу.

Он закрыл глаза, дыхание стало почти неслышным. Если бы кто-то не поднес ладонь к его носу, чтобы проверить, дышит ли он, многие наверняка сочли бы его мертвым. Это был один из способов выжить. На грани жизни и смерти легко раскрыть свой потенциал.

Однако это привело к тому, что Янь Лун, который искал его, остался ни с чем. Он лишь нашел в лесу рассыпавшиеся четки. Он простоял там долго, пока не собрал все шестнадцать бусин, и только потом ушел. Но аура вокруг него стала еще холоднее.

Праведники искали его всё реже: отравленный человек при смерти уже не представлял такой угрозы. А теперь они начали готовиться к третьему штурму Демонического культа...

Когда Шан Сююнь открыл глаза, снаружи уже стемнело. Ночь в лесу не была тихой — вдалеке слышался вой волков, поэтому ночные переходы не были лучшим решением. Но для него это был идеальный вариант. Чем меньше метод вызывал подозрений, тем вероятнее он им воспользуется.

Его внутренняя сила была спокойна, а значит, и яд в теле вел себя мирно. Несмотря на слабую боль, серьезной опасности не было. Это укрепило его в решении уйти ночью — лучше не

использовать цингун, если это возможно. Но если его обнаружат, ночной мрак скроет его лучше, чем дневной свет.

При свете луны, пробивавшемся в пещеру, Шан Сююнь достал из сумки лекарства. Сумку он смастерил из одежды одного из учеников праведной секты, чтобы временно хранить в ней готовые снадобья и собранные травы. За три месяца он сменил не один десяток таких самодельных мешков.

Он достал несколько бамбуковых трубок и смешал порошки. Травы издавали резкий запах, заставляя Шан Сююня торопиться. Смешав их с водой до состояния густой кашицы, он с привычной ловкостью нанес состав на лицо.

Когда смесь высохла, от его прежнего облика не осталось и следа. Разноцветные травы превратились в тонкую, как крыло цикады, маску, неотличимую от настоящей кожи. Изменив контуры лица, он стал совершенно другим человеком.

Белоснежная кожа сменилась здоровым бронзовым оттенком, как у обычного крестьянина, и даже аура вокруг него изменилась до неузнаваемости. Он достал еще одну трубку, окунул в нее волосы и нанес состав на кожу головы, терпя неприятный запах. Только когда волосы отросли до пояса, он выбрался из своего укрытия.

Вспоминая дневной путь, он нашел реку, прорезавшую лес, и без колебаний прыгнул в воду.

С самого момента попадания в лес он был готов к побегу. Хотя это случилось раньше, чем он ожидал, — не беда. Проплыв немного в ледяной воде, он выбрался на берег. Запах трав полностью исчез. Одежду он разорвал и оставил на берегу, не оглядываясь, двинувшись прочь.

Собрав отросшие волосы обычной деревянной палочкой, он сменил сумку на плетеную корзину, в которой лежали самые обычные целебные травы. На его непримечательном лице играла простая, честная улыбка — никто бы не связал этого прохожего с изящным и холодным монахом Цзы Цзюэ.

Когда мимо проходили праведники, Шан Сююнь вежливо кивал им, и так, на глазах у всех, спустился с горы. В этих краях, помимо воинов, часто можно было встретить местных жителей, собирающих травы на продажу. Они видели таких людей каждый день, поэтому обычный мужчина не вызвал у них никакого интереса.

Благополучно спустившись, Шан Сююнь поселился в постоялом дворе неподалеку от подножия горы, всецело посвятив себя созданию противоядия.

Хотя в лесу он был предельно осторожен, в комнате ему приходилось то и дело использовать внутреннюю силу, чтобы тестировать действие яда. Еще когда он только учился медицине, он бесчисленное количество раз испытывал яды на себе, преодолевая боль, чтобы изучить их свойства и найти лекарство. Именно поэтому его тело стало уникальным сосудом для ядов, и

именно поэтому в прошлой жизни он закончил так бесславно.

Но даже после всего пережитого, боль, терзавшая его изнутри, не давала сосредоточиться, порой доводя до обморока. Человеческий предел терпения не бесконечен. Даже после стольких тренировок его организм имел свои границы. Стоило ему ошибиться, как приходилось начинать всё сначала. Из-за этого лицо под маской становилось всё бледнее, хотя внешне он по-прежнему выглядел здоровым крестьянином.

Когда он ходил за лекарствами, он каждый раз менял обличье, петляя по улицам, прежде чем вернуться в номер. Долгое время никто не замечал его присутствия. Многие праведники уже смирились с мыслью, что Чжун Юнь замучен до смерти, и даже прониклись уважением к новой главе поместья Улю. Однако самого Чжун Юня это не заботило.

Не успев смыть грим, он принимался за работу, и только после успеха позволял себе умыться и переодеться. Перед приемом лекарства он становился похож на самого искреннего верующего, хотя в его сердце давно не осталось никакой веры.

Дав коже немного подышать, он снова наносил маскировку. Даже во сне он не забывал о своем положении, сохраняя бдительность.

Закончив приготовления, Шан Сююнь проглотил лекарство. Резкая, нестерпимая боль заставила мир перед глазами потемнеть, но он до самого конца не выказал ни капли страха или мучения. Он тщательно прислушивался к изменениям в теле. Поняв, что яд не только не исчезает, но становится активнее, он осознал, что снова потерпел неудачу.

Столько провалов не заставили его впасть в отчаяние — напротив, он стал еще рассудительнее, анализируя ошибки.

Он писал и черкал на бумаге, добавлял ингредиенты и тут же вычеркивал их. Так повторялось бесчисленное количество раз. Небо за окном темнело и светлело, пока на его лице наконец не промелькнула улыбка. Проверив всё еще раз, Шан Сююнь был уверен в успехе. В конце концов, десятки экспериментов за последние дни не могли пройти даром.

Вскоре улыбка исчезла. Шан Сююнь повернулся, собираясь идти за компонентами, и замер: в комнате уже давно кто-то стоял. С развитием яда он стал слабее воина третьего уровня, куда уж ему было заметить Янь Луна — мастера высшего ранга.

Шан Сююнь наконец-то прочувствовал, что такое отчаяние после проблеска надежды. Не колеблясь, он бросился к кровати, где припрятал яд. Он хотел было плеснуть его в лицо пришельцу, но его запястье было намертво перехвачено.

Нахлынувшая от напряжения боль вызвала приступ, и Шан Сююнь, глядя в лицо Янь Луна, выплюнул полный рот крови, которая потекла по его скулам. Кровавое зрелище... жаль только, что единственный зритель был лишен рассудка.

Использование внутренней силы в полную мощь лишь ускорило действие яда, уже разъедавшего его внутренности.

Янь Лун поспешно подхватил обмякшее тело Чжун Юня, лишь мельком вытерев кровь с лица. Встретившись взглядом с человеком в своих объятиях, он отчетливо увидел в его глазах настороженность и сожаление. К счастью, в них не было ненависти...

Только когда Чжун Юнь закрыл глаза, он словно очнулся и подхватил его на руки. Приказав слугам забрать все вещи Чжун Юня из комнаты, он поспешно направился к ближайшему оплоту Демонического культа.

Уложив Чжун Юня на мягкую кровать, он позволил слугам позвать лекаря. Янь Лун поджал губы и сжал в своей ладони бледную, почти прозрачную руку Чжун Юня. Тело Чжун Юня было холодным — приятная прохлада, но в ней не было тепла живого человека, словно сама жизнь покидала его.

В глазах Янь Луна промелькнула жестокость, которая совсем не вязалась с его нежными движениями. Он переплел свои пальцы с пальцами Чжун Юня, а другую руку положил на его лицо. Сейчас оно выглядело не лучшим образом — темноватый оттенок кожи ему не шел. Но он умел перевоплощаться безупречно. Очевидно, Чжун Юнь был далеко не бездарностью.

Или, может быть, в прошлой жизни он просто не разглядел его? А что, если это вовсе не он? Разный жизненный опыт неизбежно ведет к разным результатам. А он всё это время смотрел на него глазами прошлой жизни.

<http://bllate.org/book/21693/2237488>